

ОАЭ И ИЗРАИЛЬ СРЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ТАТЬЯНА ТЮКАЕВА
ЛЮДМИЛА САМАРСКАЯ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

На фоне трансформационных процессов на Ближнем Востоке, сопровождающихся изменением баланса сил и роли внешних акторов, а также усилением тенденций к регионализации мировой политики, растёт самостоятельность и инициативность региональных игроков. Сегодня они не только обладают влиянием и способностью проецировать «жёсткую» и «мягкую» силу, но и всё больше определяют ключевые тренды и принципы формирования региональной системы международных отношений. В связи с этим исследовательский интерес представляют ОАЭ и Израиль – ближневосточные средние державы. Нормализация отношений между ними в 2020 году не только имела заметный региональный резонанс и стала ценным активом в реализации задач их национального развития, но также являлась отражением современных трансформаций на Ближнем Востоке и одновременно их драйвером. Принципиальную важность представляет активизировавшийся в последние годы процесс «регионализации региона», становление его как более единого и взаимосвязанного, появление в нём новых центров силы. ОАЭ и Израиль в этом контексте имеют ключевое значение: первые – как главная движущая сила регионализации, второй – как важный для этой регионализации компонент, способный внести весомый вклад в развитие Ближнего Востока, но долгие годы изолированный от него. Авторы приходят к выводу о потенциале формирования новой региональной архитектуры, чему в значительной степени способствуют ОАЭ и Израиль, а также их двустороннее и региональное взаимодействие.

Ключевые слова:

средние державы, региональные державы, ОАЭ, Израиль, Ближний Восток, трансформации, регионализм, безопасность.

В условиях значительных трансформаций глобальной политической среды, появления новых центров силы и изменения принципов взаимодействия между различными акторами мировой политики концепт «держав среднего уровня» становится всё более популярным среди исследователей. Это является не только свидетель-

ством постепенного становления «нового мирового порядка, в котором тенденции международной динамики определяются уже не только исключительно ведущими державами, но и не менее влиятельными малыми и средними державами» [Вершинина 2020: 25–40], но и отражением множественности подходов к определению

Дата поступления рукописи в редакцию:

Дата принятия к публикации:

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email:

понятия «средних держав» с учётом большого разнообразия средств реализации их внешней политики и укрепления своего международного статуса.

Не меньшее внимание отечественных и зарубежных исследователей в свете глобальных изменений привлекает и феномен регионализации [Østerud 1992; Vuzan, Wæver 2003; Fawcett 2016; Звягельская 2022]. Ближний Восток, в силу своей высокой конфликтности и историко-культурной специфики, традиционно представлял особый интерес как кейс-исключение – регион «без регионализма», в котором отсутствуют функциональные надгосударственные структуры [Fawcett 2016: 200]. Между тем стремительно развивающиеся здесь процессы с начала 2010-х годов привели к появлению новых центров силы, качественно отличающихся от прежних, а также складыванию новых региональных реалий [Вгус 2019; Звягельская 2022]. Одним из наиболее принципиальных изменений, разрушающих существовавшую на протяжении десятилетий парадигму развития международных отношений на Ближнем Востоке, становится постепенное включение в неё Израиля [Fulton, Yellinek 2021; Звягельская 2021].

Литература, концептуализирующая понятие «средней державы», достаточно обширна¹ [Chapnik 1999; Jordaan 2003, 2017; Жуковская 2018; Edström, Westberg 2020; Вершинина 2020; Bhal 2023]. Между тем оно крайне редко применяется в исследованиях, посвящённых государствам Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Интерес в связи с этим представляет коллективная монография 2020 года под редакцией Адхама Саули [Saouli 2020] – редкий, если не единственный труд, в котором комплексно рассматриваются различные теоретические аспекты феномена «среднедержавности» и его соотношение с понятием «региональной державы», в том числе

с учётом специфики БВСА. В нём также анализируются роль и место ряда влиятельных региональных игроков, в частности ОАЭ. Впрочем, в принадлежности к категории «средних держав» аравийской монархии авторы монографии отказываются. Израиль, рассматриваемый исследователями, как правило, в качестве ближневосточной региональной державы [Butenschön 1992; Beck 2010; Kappel 2014; Heller 2014], также редко становится предметом изучения с точки зрения «среднедержавности»² [Shymanska, Neo 2022]. Между тем вес и влияние ОАЭ и Израиля не только в масштабах региона БВСА, но и далеко за его пределами позволяют говорить о том, что оба государства заслуживают более пристального внимания с точки зрения их роли в региональной и мировой политике.

Авторы настоящей статьи на основе изучения существующих теоретических концепций, а также внешнеполитической активности Израиля и ОАЭ предлагают комбинированный анализ статуса этих государств как одновременно региональных и средних держав. Рассматриваются ключевые направления развития региона БВСА, способствовавшие укреплению их позиций и становлению в качестве влиятельных центров силы, а также использование ими своих новых возможностей как активных участников процесса трансформации мирового и регионального устройства.

«Средние державы»: теоретические подходы

По определению британского теоретика международных отношений Мартина Уайта, «средняя держава – это государство с таким военным потенциалом, ресурсами и стратегическим положением, что в мирное время великие державы борются за его поддержку, а во времена конфликтов, хотя такая страна и не имеет шансов на победу

¹ *Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik*. Hg. B. Lippert, S. Mair. SWP-Studie 1. SWP. Berlin, 01.2024. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2024S01_MittlereMaechte.pdf (accessed: 05.06.2025).

² *Ibid.*

в войне против великой державы, она имеет возможность нанести последний ущерб, несоизмеримо превышающий потенциальные выгоды от атаки на неё» [Wight 1978: 65].

Существует три базовых теоретических подхода к определению «среднедержавности» (*middelpowerhoodness*): позиционный (иерархический), поведенческий (бихевиористский) и конструктивистский (идентитарный) [Chapnik 1999; Жуковская 2018; Вершинина 2020; Bhal 2023]. Первый из них основывается на ключевых постулатах реализма в понимании того, какими количественными характеристиками должно обладать государство в реализации своих внешнеполитических интересов и какие факторы должны учитываться при определении его мощи. Державы среднего уровня определяются как государства, которые не «являются ни большими, ни маленькими» [Jordaan 2003: 165], обладают «средними показателями ВВП и совокупной военной мощи» [Жуковская 2018: 173].

Поведенческий подход – в рамках либералистской парадигмы – основывается на том, что «среднедержавность» государства определяется характером его внешнеполитической активности и степенью его влияния на международные процессы: не только наличием определённых ресурсов и потенциала, но и тем, как оно решает их использовать и какую роль для себя избирает в мировой политике [Saouli 2020: 38]. Согласно данному подходу, поведение средних держав на глобальной арене характеризуется стремлением к многосторонним решениям проблем, склонностью к нейтралитету в конфликтах, тенденцией к самопозиционированию как «добросовестного члена международного сообщества» [Chapnik 1999: 75]. Их внешнеполитическая активность отличается приверженностью многовекторности и поиску компромиссов, а также заметной посреднической деятельностью. Они стремятся «продвигать свою повестку на международном или региональном уровнях», опираясь не столько на материальные, «сколько на нематериальные ресурсы – установленные

и поддерживаемые связи» [Вершинина 2020: 34].

Наконец, в соответствии с конструктивистским подходом, «среднедержавность» представляет собой «набор идей о том, как руководство государства видит себя и свою роль в международной системе» [Saouli 2020: 37], то есть «социально сконструированную идентичность», которая формируется посредством «диалога между политиками и учёными» внутри страны и провозглашается политическими лидерами [Вершинина 2020: 35].

Большинство современных исследователей, признавая ограниченность каждого из трёх вышеуказанных подходов, приходят к выводу, что для полноценного анализа и определения держав среднего уровня в условиях сегодняшних глобальных политических процессов более оптимальным является смешанный подход, объединяющий в себе совокупность разных факторов реалистской, либералистской и конструктивистской парадигм.

Ещё одной особенностью в определении «среднедержавности» государств представляется складывающееся понимание среди современных исследователей необходимости разделять традиционные и новые (зарождающиеся) средние державы. Так, долгое время к державам среднего уровня относили «стабильные социальные демократии» с эгалитарным общественным устройством, имеющие заметный вес в глобальной экономике, стремящиеся «закрепить за собой особый статус в международных организациях» и противостоять чрезмерному контролю «великих держав на международной арене» – хотя и действующие как охранители статус-кво в сложившемся мироустройстве, – но не играющие значимой роли в своих регионах [Jordaan 2003: 171–173; Вершинина 2020: 28].

Условия, сложившиеся на мировой арене в постбиполярную эпоху, послужили катализатором для появления новых центров силы, которые в своей внешней политике действуют исходя из иных мотиваций по сравнению с традиционными средними державами и прибегают к иным механиз-

мам международного взаимодействия. Они имеют большую свободу действий и «право выбора собственного пути развития» [Вершинина 2020: 27]. Кроме того, они характеризуются наличием недемократического или неустойчивого демократического политического строя и высоким уровнем социально-экономического неравенства, а во внешней политике активно продвигают региональную интеграцию, служат двигателями регионализационных процессов и выступают за изменение статус-кво мирового устройства. Новые средние державы зачастую являются незападными, развивающимися государствами, стремящимися «бросить вызов американскому доминированию» и противостоять любым формам гегемонизма и асимметричной зависимости [Королев 2018: 91; Jordaan 2003, 2017]. На наш взгляд, ключевым мотивом их внешнеполитической активности служит, скорее, стремление к самостоятельной реализации собственных, вновь осознанных национальных интересов, что и обуславливает трансформации в их взаимодействии с великими державами и другими акторами международных отношений – нежелезными противостоят более влиятельным государствам как таковое.

В современных условиях у держав среднего уровня во внешнеполитическом арсенале появляется значительно больший выбор в средствах укрепления своих позиций в мировой политике. Более того, они демонстрируют способность эффективно компенсировать собственные слабости (например, незначительную численность населения, низкую доступность природных ресурсов, относительно ограниченные масштабы экономики или военного потенциала) за счёт использования своих наиболее выгодных активов (будь то стратегическое положение, влиятельные партнёры, инвестиционный капитал или продвинутая научно-технологическая база).

Кроме того, некоторые исследователи указывают на изменение характера стратегий балансирования и примыкания средних в отношении великих держав. Так,

В.В. Вершинина отмечает, что политика примыкания в современном мире всё чаще обусловлена «не внешней угрозой, а внутренними экономическими интересами государства» [Вершинина 2020: 27]. При этом сегодня они имеют возможность одновременно реализовывать стратегии балансирования и примыкания, руководствуясь собственной заинтересованностью в продвижении интеграции, но только в той степени, которая не ведёт к формированию односторонней зависимости. В свою очередь, А.С. Королёв указывает на оптимальность понятия «хеджирования» для более точного понимания внешнеполитических стратегий средних держав: они стремятся к максимизации выгод в отношениях с более крупными партнёрами, «сохраняя при этом широкое пространство для внешнеполитического манёвра» [Королёв 2018: 92].

Не менее дискуссионным представляется вопрос о соотношении понятий средних и региональных держав. Некоторые исследователи полагают, что статус региональной державы, то есть государства, играющего одну из ключевых ролей в рамках собственного региона – регионального центра силы, определяет его «среднедержавный» статус на международном уровне. Так, А. Саули формулирует шесть признаков держав среднего уровня: 1) намерение и заинтересованность трансформировать имеющиеся у них ресурсы в реальную силу, которая может быть проецирована за их границами; 2) способность формулировать стратегию по достижению собственных целей; 3) умение проецировать своё влияние в разные части региона, в том числе посредством вмешательства во внутренние дела других государств; 4) обладание идеологическим и культурным потенциалом оказывать влияние на нормативный региональный порядок; 5) способность создавать альянсы с государствами и негосударственными акторами; 6) возможность содействовать или препятствовать воздействию на регион со стороны внешних игроков [Saouli 2020: 15]. При этом А. Королёв отмечает, что средние державы «не оказы-

вают значительного влияния на развитие глобальных экономических и политических процессов, однако имеют или могут иметь прочные позиции в рамках своего региона» [Королёв 2018: 91].

Между тем, на наш взгляд, в обоих случаях речь скорее идёт не о средних, но о региональных державах. Согласно тезису шведских исследователей Хокана Эдстрёма и Якоба Вестберга, «в отношениях с малыми государствами, и особенно в вопросах, относящихся к их собственной региональной системе, средние державы могут реализовывать стратегии великих держав, основанные на позитивной асимметрии силы (*positive power asymmetry*)» [Edström, Westberg 2020: 175]. «Среднедержавность» на международном уровне – помимо статуса влиятельного регионального центра силы – предполагает активную включённость государства в глобальные процессы, способность и желание оказывать влияние на мировую систему [Saouli 2020: 41], укрепление его ведущих позиций в мире по ряду направлений.

Таким образом, средние державы следует определять как государства, заметно уступающие великим по некоторым материальным показателям (территория, население, военная мощь, масштабы экономики), однако успешно *компенсирующие эти ограничения* за счёт развития других (имидж, дипломатическое мастерство, эффективные внешнеполитические стратегии в отношении влиятельных игроков мировой политики), что даёт им возможность реализовывать *самостоятельный* внешнеполитический курс и *отстаивать* национальные интересы, в том числе *за пределами своих регионов*. Они не только *имеют возможность действовать* глобально, оказывая влияние на ход региональных и международных политических процессов, но и желают «занять свою нишу в региональном и глобальном управлении» [Вершинина 2020: 32], получая *признание* своей значимости со стороны других акторов мировой политики.

Трансформации Ближнего Востока в 2010-х годах

Регион БВСА традиционно считался «высококонтрактногенным» и «малоподверженным изменениям» [Звягельская 2022: 55]. Объединяющим фактором служила приверженность большинства стран региона идее солидарности арабской и исламской умме. Её самым ярким проявлением служила позиция в отношении палестино-израильского конфликта, ставшего «системообразующим», определяющим «выстраивание коалиций и альянсов» [Звягельская 2022: 55, 57]. Эта позиция закрепляла изоляцию Израиля – государства с мощным военным и технологическим потенциалом, политически, экономически, культурно и идейно исключённого из регионального ландшафта. Кроме того, Ближний Восток долгое время оставался объектом внешнего влияния, фактически формировавшего происходившие здесь процессы.

События «арабской весны» запустили волну военно-политической и социальной дестабилизации БВСА, послужив спусковым крючком для коренных трансформаций общерегионального развития. Ослабление прежних региональных лидеров привело к изменению баланса сил и появлению новых центров влияния. Так, заметно интенсифицировалась активность Турции и Ирана на ближневосточном направлении, что сделало их влиятельными участниками региональных военно-политических процессов. Изменились и позиции Саудовской Аравии, отказавшейся от традиционной роли наблюдателя и энергично включившейся в конкурентную борьбу за влияние. ОАЭ и Катар однозначно заявили о себе как о значимых региональных игроках, определяющих динамику развития событий в основных горячих точках БВСА.

Социально-политическая дестабилизация послужила также трамплином для активизации сил политического ислама, в первую очередь в лице «Братьев-мусульман»³, которые, воспользовавшись общественным недовольством авторитарными режимами,

³ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

сумели прийти к власти или заметно нарастить своё влияние в ряде стран. Значительную поддержку им оказывали Турция и Катар. Параллельно с этим интенсифицировалась активность радикальных исламистских группировок: в середине 2010-х годов главным вызовом безопасности в регионе стало ИГИЛ⁴. Кроме того, заметно возросла деятельность сил, союзных Ирану. Обеспокоенность иранской региональной активностью, которая воспринимается как один из главных источников угроз национальной безопасности монархиями Залива и Израилем, сопровождалась опасениями в отношении иранской ядерной программы, которые не только не исчезли после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 году, но и обострились в связи с сохранявшимся недоверием к соглашению и снятием санкций, открывшим дополнительные ресурсы для Тегерана.

Немаловажным фактором, оказавшим значительное влияние на динамику внутрирегиональных процессов с начала 2010-х годов, стала реакция США на обострившиеся и вновь вспыхнувшие кризисы и, что более существенно, *восприятие* их политики в регионе руководствами государств – традиционных партнёров Вашингтона в оборонной сфере. На фоне роста недоверия к США и сомнений относительно их способности выступать в качестве гаранта безопасности [Fulton, Yellinek 2021; Вгус 2019] стала укрепляться убежденность стран региона в необходимости действовать самостоятельно, брать в собственные руки ответственность за обеспечение национальной и региональной стабильности, отстаивать свои интересы. Приоритет отдавался силовым методам.

Второе десятилетие XXI века в БВСА ознаменовалось беспрецедентным ростом военных расходов новых региональных лидеров. Они активно вмешивались в стремительно интернационализировавшиеся конфликты по всему региону, оказывая военно-политическую и финансовую

помощь конкурирующим или противоборствующим сторонам в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии, Йемене. Начали складываться новые коалиции. Можно говорить о формировании двух условных лагерей. С одной стороны – антиисламистская «ось умеренности», включавшая в первую очередь ОАЭ, Саудовскую Аравию, Израиль, которые являлись сторонниками сохранения статус-кво. С другой – «ревизионисты» в лице, в первую очередь, происламистского альянса Турции и Катара, опиравшегося на транснациональную организацию «Братьев-мусульман»⁵, а также Ирана с его сетью региональных союзников. Растущему влиянию последних «умеренные» игроки активно противодействовали.

Кульминация внутрирегиональной конкуренции и прокси-войн новых ближневосточных центров силы поставила их на грань прямого вооружённого противостояния к концу 2010-х годов. Это привело руководства региональных лидеров к осознанию неэффективности и затратности силовых методов реализации национальных интересов и опасности тотальной дестабилизации БВСА в условиях «отсутствия региональных механизмов контроля и предупреждения» [Звягельская 2022: 63]. Сложная экономическая ситуация в Турции и Иране, а также потребность осуществления амбициозных целей стратегий социально-экономического развития «Видение», провозглашённых лидерами монархий Залива, стимулировали возникновение с начала 2020-х годов тренда на деэскалацию в отношениях между ближневосточными лидерами на двустороннем и общерегиональном уровнях и приоритизацию обеспечения стабильности и процветания региона. Ключевыми маркерами данной деэскалационной тенденции стали: нормализация двусторонних отношений между ОАЭ, Саудовской Аравией и Египтом, с одной стороны, и Турцией и Катаром – с другой (2020–2021), урегулирование «катарского кризиса» (2021), проведение

⁴ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Багдадского саммита «Сотрудничества и партнёрства» (2021), восстановление дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном (2023). Важно отметить, что деэскалация не означала урегулирования конфликтов и не исключала их периодических вспышек, однако оставалась устойчивой долгосрочной тенденцией.

Наиболее резонансным событием, внёсшим кардинальные изменения в исторически сложившуюся региональную парадигму, стала нормализация отношений ОАЭ, Бахрейна, Марокко и Судана с Израилем. Восприятие еврейского государства и взаимодействия с ним постепенно менялось с 2000-х годов. Первым признаком этих изменений стала Арабская мирная инициатива 2002 года, продемонстрировавшая готовность арабских лидеров к нормализации отношений с Израилем при условии создания палестинского государства. Возникновение «иранской ядерной угрозы», особенно остро воспринятое как в Саудовской Аравии и ОАЭ, так и в Израиле, стимулировало тайные контакты по линии аппаратов безопасности двух арабских монархий с еврейским государством [Schiff, Kertcher 2024] – при сохранявшемся официально табу в связи с израильским руководством в отсутствие решения палестинской проблемы.

В 2010-х годах на фоне обострившихся проблем, связанных с иранской региональной активностью и деятельностью исламистских организаций, эти контакты заметно расширились, включив в том числе торговлю (хотя и в незначительных объёмах) через посреднические компании. Основным интересом для монархий Залива представляли израильские разведывательные технологии и оборудование. К середине 2010-х годов по мере учащения встреч саудовских и эмиратских бывших и действующих официальных лиц с израильскими политиками и чиновниками, а также визитов министров Израиля в монархии Залива всё отчётливее на политическом и экспертном уровнях в Саудовской Аравии и ОАЭ стал звучать призыв «принять Израиль» и «сформировать с ним альянс» [Hitman, Kertcher 2018]. В СМИ

начали появляться серии публикаций, последовательно констатирующих, что Израиль может быть полезным партнёром с точки зрения реализации экономических интересов, а также является «меньшим злом» – в сравнении с Ираном [Косач 2021].

Существенная трансформация в 2010-х годах произошла и в восприятии палестинской проблемы в руководстве арабских государств. Обострение старых и возникновение новых вызовов и угроз заметно маргинализировали её. Во многом этой трансформации способствовало застопоривание внутренней динамики – не столько палестино-израильского, сколько внутripалестинского конфликта (подробнее об этом см.: [Звягельская, Тюкаева 2021]). Вместе с тем гораздо более значимым фактором представляется смена внешнеполитических императивов лидеров ключевых государств региона в сторону прагматизации, осознание ими собственных национальных интересов. Их реализации во многом препятствовало «право вето» палестинского руководства в отношении взаимодействия арабских государств с Израилем [Звягельская 2021: 114].

Примечательна в этом контексте позиция Катара, который позиционирует себя как категоричного борца за палестинское дело, оказывает активную поддержку ХАМАС и критикует действия израильского руководства в отношении палестинцев. Несмотря на отсутствие официального признания еврейского государства, Катар развивал плодотворное взаимодействие с политиками и чиновниками Израиля, решая собственные внешнеполитические задачи. Характерна и позиция турецкого руководства, не менее энергично выступающего в защиту прав палестинцев и в поддержку ХАМАС: невзирая на демонстрацию «принципиальности» своей политики [Звягельская 2022: 63], Турция долгие годы оставалась одним из крупнейших торгово-экономических партнёров Израиля, развивая также связи в области военного сотрудничества и обмена разведанными.

Таким образом, масштабная турбулентность в регионе БВСА с начала 2010-х годов

сформировала условия, диктовавшие новую логику военно-политических процессов, а также способствовавшие возникновению новых региональных лидеров и изменению роли существовавших центров силы. Их внешнеполитическая активность и взаимодействие друг с другом определили новые принципы развития международных отношений в регионе. Это стало следствием происходящих на Ближнем Востоке трансформаций, отражением вновь сформировавшихся национальных интересов ключевых ближневосточных государств, но вместе с тем открыло возможности для складывания новой региональной реальности. Наиболее ярким примером глубоких изменений существовавшей парадигмы является изменение места палестинской проблемы в логике развития региональных процессов. Оговоримся, что речь не идёт о полной её маргинализации: война в Газе 2023–2025 годов продемонстрировала масштабную общественную мобилизацию не только в странах региона, но и в мире в поддержку Палестины. Правящие элиты арабских государств, в первую очередь ОАЭ, осознают, что отсутствие решения палестинской проблемы будет оставаться триггером, используемым различными ближневосточными силами как повод для региональной дестабилизации. Однако они также более не готовы отказываться от необходимого им взаимодействия с Израилем, нередко опираясь на непубличные каналы сотрудничества.

ОАЭ и Израиль как региональные и средние державы

Исторически одной из отличительных черт ближневосточного региона являлось отсутствие страны-гегемона, которая бы играла в нём доминирующую роль. Вместо этого существует ряд государств, претендующих на региональное лидерство и способных в большей или меньшей степени влиять на региональное пространство.

Новые региональные державы, в отличие от прежних, помимо статуса влиятельных центров силы в рамках Ближнего Востока, обладают признаками «среднедержавности», проецируя влияние на международном уровне.

С точки зрения сугубо реалистской логики, Израиль и ОАЭ подпадают под категорию малых держав – с незначительным населением, масштабами территории, развитым, но несопоставимым в абсолютных показателях с мировыми лидерами боевым потенциалом. Между тем их влияние на региональные процессы, вовлечённость в международную повестку и заметные позиции в ряде ключевых сфер глобального развития позволяют говорить о том, что они давно преодолели объективные ограничения своей «малости», став не только мощными центрами силы БВСА, но и активными средними державами мирового масштаба.

Израиль, с момента своего создания оказывающий принципиальное влияние на ближневосточные процессы – даже в силу самого своего существования, является одним из наиболее значимых региональных центров силы. Заложив научное развитие в основу своей экономики (первые научно-исследовательские центры появились задолго до создания государства), которая сегодня входит в тройку крупнейших в регионе, Израиль стал ближневосточным флагманом в сфере технологий. Согласно «Глобальному индексу инноваций-2024», еврейское государство не только занимает первое место в БВСА и 15-е – в мире по всем показателям, но и является международным лидером по государственному и бизнес-затратам на НИОКР, полученному венчурному капиталу, экспорту информационных технологий и общей оценке стоимости компаний-«единорогов», то есть предприятий, достигающих миллиардной капитализации менее чем за десять лет⁶. Университеты и колледжи Израила

⁶ Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. 17th Edition. WIPO. 2024. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (accessed: 05.06.2025).

находятся на ведущих позициях в мировом рейтинге вузов в сфере электроники, информационных технологий и некоторых других отраслей науки.

Другое ключевое достижение Израиля – его значительный военный потенциал. Иерусалим в настоящее время является одним из десяти крупнейших экспортёров вооружений на планете, реализующим поставки в большинство регионов мира, а три израильские компании по производству военной техники – *Israel Aerospace Industries*, *Rafael* и *Elbit* – включены в топ-100 мировых производителей⁷. Кроме того, Израиль – единственный региональный игрок, который, согласно широкому экспертному консенсусу, обладает ядерным оружием (хотя это и не признается официально).

Между тем на протяжении многих десятилетий Израиль существовал в условиях «холодной войны» с арабскими государствами, сопровождавшейся периодически всплывающими горячими конфликтами. По замечанию норвежского исследователя Нильса Бутеншёна, отношения еврейского государства с регионом были минимальными и заключались в «конфликтном взаимодействии» (*conflict-related exchanges*) [Butenschön 1992: 97]. Статус одного из ключевых региональных игроков он приобрёл после победы в Шестидневной войне 1967 года, которая существенно подорвала позиции противостоявших ему арабских стран и привела к принципиальному изменению баланса сил на Ближнем Востоке. Именно тогда был оформлен стратегический характер отношений между Израилем и США, которые увидели в Иерусалиме не только схожее по ценностям, но и сильного и перспективного союзника. Попыткой проекции «жёсткой силы», хотя

и лишь относительно успешной, была операция «Мир Галилее» на ливанской территории в 1982 году [Beck 2014: 140–142]. В основе израильской региональной политики лежала «периферийная доктрина», подразумевающая развитие отношений с неарабскими/немусульманскими акторами на Ближнем Востоке и в непосредственной близости от него⁸.

Исторически израильская внешняя политика фокусировалась на трёх взаимосвязанных целях: укреплении собственной безопасности, выходе из региональной изоляции, а также защите еврейских общин по всему миру и выстраивании контактов с ними [Reich 2004: 125]. Израиль активно стремился интегрироваться в глобальную систему международных отношений и развивать экономические связи за пределами БВСА в качестве значимого партнёра, налаживая взаимовыгодное сотрудничество с США, азиатскими, европейскими, латиноамериканскими и африканскими государствами.

Позиции средней державы Израиль начал укреплять после окончания «холодной войны» и выхода из частичной международной изоляции в результате процесса Осло. Союз с США остался для него крайне значимым: важнейшими его проявлениями являются последовательная поддержка Вашингтоном Иерусалима в СБ ООН и предоставление существенных объёмов различной помощи, включающей поддержку качественного военного превосходства (QME) страны в регионе⁹. Вместе с тем самостоятельность Израиля в принятии внешнеполитических решений заметно возросла. Одним из его приоритетов стала диверсификация внешнеполитических связей, полноценная реализация которой оказалась возможна только после

⁷ The SIPRI Top 100 arms-producing and military services companies in the world, 2024. SIPRI. 2025. URL: <https://www.sipri.org/visualizations/2025/sipri-top-100-arms-producing-and-military-services-companies-world-2024> (accessed: 07.04.2026).

⁸ Помимо Турции, Ирана и Эфиопии, Израиль выстраивал отношения с различными негосударственными акторами, в том числе друзьями и курдами. Это сотрудничество во многом продолжается до сих пор. Подробнее см.: [Alpher 2015].

⁹ *Masters J., Merrow W.* U.S. Aid to Israel in Four Charts. Council on Foreign Relations. 07.10.2025. URL: <https://www.cfr.org/articles/us-aid-israel-four-charts> (accessed: 07.04.2026).

окончания биполярного противостояния. Израиль смог предложить своим новым партнёрам сотрудничество в сфере кибертехнологий, сельского хозяйства и даже военных разработок.

Иерусалим продолжает многовекторную политику и в новых международных условиях, развивая отношения с различными влиятельными игроками, в том числе Россией, Китаем, Индией. На фоне конфронтации между Москвой и западными странами в контексте украинского кризиса он занял позицию «частичного» или «избирательного нейтралитета» («лабиринта между каплями»), рассматривая её как наиболее соответствующую собственным интересам. Израиль также пытался выступить в роли посредника в этом контексте [Самарская 2024: 153–154].

По выражению немецкого исследователя Роберта Каппела, «Израиль не является региональной державой, способной управлять региональным порядком», а лишь «пытается предотвратить появление любой другой силы, которая могла бы существенно ему навредить, однако не имеет мягкой или умной силы» [Kappell 2014: 145]. В эту логику вписывается противостояние Израиля с Ираном и его прокси на Ближнем Востоке. Фактическое влияние Иерусалима на региональный порядок не пропорционально ни его количественным характеристикам, ни уровню его экономического участия в региональных процессах.

Израильское руководство по-прежнему преследует цель полноценной интеграции государства в регион, которая является в полной мере консенсусной для большей части израильского политического спектра. При этом она рассматривается не как основной способ обеспечения безопасности страны, а скорее как реализуемый

параллельно с ним трек, значимый, но более второстепенный. В связи с этим многосторонние решения стоящих перед ним проблем Иерусалим воспринимает как желательные, но необязательные, предпочитая действовать в одиночку или при поддержке ключевого внешнего союзника (США), далеко не всегда учитывая интересы своих ближневосточных партнёров. Даже в отсутствие интеграции Израиль видит себя одним из ведущих региональных игроков, «меняющих лицо Ближнего Востока»¹⁰. Израиль во всё большей степени воспринимает себя как региональную державу, чьё влияние выходит за рамки ближневосточного масштаба¹¹. Сотрудничество с еврейским государством позиционируется как несущее преимущества, а соперничество — как связанное с рисками. Перспективность экономического партнёрства с Иерусалимом и необходимость его региональной интеграции постоянно подчёркивается обращением к успешности Соглашений Авраама. Дальнейшая нормализация отношений еврейского государства с региональными игроками приравнивается к «историческому примирению между арабским миром и Израилем»¹². Израильская военная мощь, «жёсткая сила», при этом интерпретируется как ключевой инструмент, способный создать для этого необходимые условия.

В свою очередь, Объединённые Арабские Эмираты, один из крупнейших мировых нефтеэкспортеров, сделали ставку на выстраивание устойчивого экономического потенциала. С начала 1970-х годов создавались финансовые институты, основан первый суверенный фонд, который стремительно приобрёл позиции одного из ведущих инвесторов, прежде всего в США и странах Европы. Был открыт порт Джебель-

¹⁰ Statement by PM Netanyahu — 14 June 2025. Ministry of Foreign Affairs (Israel). 14.06.2025. URL: <https://www.gov.il/en/pages/statement-by-pm-netanyahu-14-jun-2025> (accessed: 30.10.2025).

¹¹ PM Netanyahu's remarks at his press conference. Ministry of Foreign Affairs (Israel). 12.03.2026. URL: <https://www.gov.il/en/pages/pm-netanyahu-s-remarks-at-his-press-conference-12-mar-2026> (accessed: 07.04.2026).

¹² Prime Minister Benjamin Netanyahu's speech at the UN General Assembly in New York. United Nations. 27.09.2024. URL: https://gadefebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/il_fl.pdf (accessed: 05.06.2025).

Али – крупнейший в мире, на базе которого возникла первая и наиболее масштабная в регионе свободная экономическая зона, заложившая фундамент для превращения ОАЭ в один из центров международной торговли. Была основана авиакомпания *Emirates*, начала активно развиваться туристическая инфраструктура. ОАЭ стали одним из лидеров в сфере исламского банкинга, сформировавшим международную сеть банков, действующих в соответствии с нормами шариата [Antwi-Boateng, Vinhuwaidin 2017].

Сегодня в ОАЭ функционирует более 40 свободных экономических зон в различных отраслях, привлекая инвесторов и высококвалифицированных специалистов из разных стран мира и закрепляя за государством статус одного из региональных лидеров инновационного и технологического развития. По доле расходов на НИОКР в ВВП ОАЭ занимают второе место в регионе – после Израиля. Одновременно расширяются география деятельности и инвестиционные портфели девяти эмиратских суверенных фондов, четыре из которых входят в число двадцати крупнейших в мире¹³. Эмиратские суверенные фонды, как и некоторые другие фонды монархий Персидского залива, в период глобального кризиса 2007–2008 годов выступили в роли «спасательного круга» для западных финансовых рынков, что позволило говорить о новом статусе страны как «производителя» (*producer*) экономической безопасности [Sherwood 2017: 55]. ОАЭ также являются одним из главных мировых доноров гуманитарной помощи и критически важным инвестором для некоторых арабских (Египет, Иордания, Марокко), азиатских (Пакистан), африканских (Кения, Сомали) и европейских (Черногория) стран.

Помимо этого, ОАЭ закрепили за собой статус важного связующего звена в глобальных транспортных цепочках и одного из мировых центров туризма. В монархии функционируют шесть национальных авиаперевозчиков, включая *Emirates* и *Ethihad*, занимающих соответственно первую и третью строки в региональном рейтинге, а также восемь международных аэропортов. Крупнейший из них (Международный аэропорт Дубай) в 2023 году вышел на второе место в мире по пассажиропотоку¹⁴. Однако ключевым активом ОАЭ, превратившим страну в хаб глобальной торговли, транспорта и логистики, стала основанная в 2005 году на базе порта Джебель-Али компания *DP World* – один из крупнейших мировых портовых операторов, расширяющий сеть своих активов в 69 странах планеты на шести континентах. Многие из этих терминалов имеют двойное назначение, что позволяет ОАЭ, в дополнение к реализации коммерческих интересов, обеспечивать присутствие своих ВМС и ВВС [Miller, Verhoeven 2020]. Параллельно с *DP World* действует основанная в Абу-Даби годом позже *AD Ports Group*, в 2024 году вошедшая в список 20 мировых операторов портов и связанной с ними инфраструктуры.

Уже к началу 2000-х годов ОАЭ были третьей арабской экономикой по степени глобализованности [Miller, Verhoeven 2020]. Монархия активно реализует стратегию «якорей»¹⁵, которыми становятся приобретаемые эмиратскими компаниями в различных странах мира инфраструктурные объекты критической значимости: порты, промышленные объекты, энергетические станции, сельскохозяйственные площади. В совокупности они формируют выстраиваемую ОАЭ сеть «взаимосвязанности», обеспечивая национальные экономические интересы и наращивая влияние

¹³ Sovereign Wealth Fund Rankings. Sovereign Wealth Fund Institute. URL: <https://www.swfinstitute.org/fund-rankings/sovereign-wealth-fund> (accessed: 05.06.2025).

¹⁴ Busiest Airports in the World 2024. Official Aviation Guide. 2024. URL: <https://www.oag.com/busiest-airports-world-2024> (accessed: 05.06.2025).

¹⁵ Zaga M. The UAE's Foreign Policy Anchors and Their Influence on Israel and the Region. MITVIM. 01.03.2025. URL: <https://mitvim.org/wp-content/uploads/2025/03/English-UAE-Anchors-Policy-Zaga-March-2025-final-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

государства как в экономической, так и в политической сферах.

С начала 2010-х годов руководство монархии действует всё более инициативно в своей региональной политике «в качестве стабилизатора ближневосточных процессов, хранителя принципов многосторонности и защитника умеренного ислама» [Saouli 2020: 46]. ОАЭ стали одним из наиболее влиятельных игроков Ближнего Востока, вовлечённых во внутривосточные кризисы в Тунисе и Египте и вооружённые конфликты в Ливии и Йемене. Многие из этого реализовывались вопреки недовольству американского руководства [Sherwood 2017], а также приводило в отдельных случаях к столкновению с интересами других региональных центров силы. Важно отметить, что несмотря на сохраняющуюся зависимость от США, прежде всего в оборонной сфере, аравийской монархии удалось закрепить за собой статус ценного, необходимого партнёра (отказ от которого несёт заметные потери) Вашингтона в регионе, что обуславливает её растущую инициативность и требовательность в его адрес в двусторонних отношениях.

С середины 2010-х годов ОАЭ также создали собственные военные базы на йеменских островах Сокотра и Перим, в Сомалиленде и Пунтленде, в Эритрее и Ливии [Telci, Nogozi 2018]. В начале 2020-х годов монархия вошла в тройку крупнейших экспортёров произведённых национальными компаниями вооружений и военных технологий в регионе, уступив место Израилю и Турции и заняв 18-ое место в мире¹⁶.

Удерживая значимое положение на мировых энергетических рынках, руководство ОАЭ декларирует намерение «превратить страну в глобальный центр и успешную модель новой зелёной экономики», а также стать «законодателем норм в области защиты окружающей среды» [Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017: 529]. Важными с точки зрения статуса ОАЭ представляют-

ся реализуемая в стране программа мирного атома, а также амбициозная космическая программа, наиболее развитая в регионе и включающая планы по освоению Луны и Марса, а также и состоявшийся в 2022 году запуск лунохода.

Активное вовлечение ОАЭ как в региональные, так и в глобальные политические и экономические процессы проявляется в интенсивном взаимодействии монархии с рядом многосторонних организаций и институтов, включая НАТО, ШОС, БРИКС+, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также «Группу двадцати» (G20) (в статусе приглашённого участника). Эмиратское руководство последовательно продвигает принципы полицентричности как в региональном, так и в мировом масштабе, подтверждая свой статус ответственного члена международного сообщества через налаживание эффективного взаимодействия с ключевыми государствами различных регионов мира, а также через предложение посреднических услуг. Ярким свидетельством международного признания роли ОАЭ в данной сфере выступает их регулярное посредничество при обмене военнопленными между Россией и Украиной, а также политическими заключёнными между Россией и США начиная с 2022 года. Руководство страны эффективно использует свою позицию «позитивного нейтралитета» в отношении украинского конфликта, извлекая политические и экономические дивиденды из поддержания активных связей с западными государствами, а также с Москвой и Киевом.

Таким образом, можно констатировать принципиальную роль ОАЭ и Израиля в ближневосточных процессах как региональных держав БВСА. Они во многом отличаются. Израиль – демократическое государство, заметный игрок на мировом рынке вооружений и военных технологий, признанный мировой авторитет в сфере

¹⁶ UAE spends billions on home-grown arms at defence fair. France 24. 24.02.2023. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20230224-uae-spends-billions-on-home-grown-arms-at-defence-fair> (accessed: 05.06.2025).

Таблица 1
Соответствие Израиля и ОАЭ критериям средних и региональных держав.

	Израиль	ОАЭ
Экономический и военный потенциал между малыми и великими державами	Да	Да
Необходимый партнёр, ценный союзник	Да	Да
Признание влиятельности со стороны других значимых игроков	Да	Да
Недемократический политический строй	Нет	Да
Инициативная внешняя политика, проецирование влияния на региональном и глобальном уровнях	Да	Да
Максимизация выгод от сотрудничества с крупными партнёрами при сохранении свободы маневра	Да	Да
Фактическая внешнеполитическая активность в качестве «средней державы»	Отчасти	Да
Стремление к многостороннему решению проблем	Нет	Да
Активная роль в выстраивании региональной системы международных отношений, формировании нормативного порядка в регионе	Да	Да
Интегрированность в региональную систему международных отношений / продвижение региональной интеграции	Нет / Да	Да / Да
Идеологическое и культурное влияние в регионе / за его пределами	Нет / Да	Да / Да
Самопозиционирование в качестве региональной / средней державы	Да / Нет	Нет / Нет

Источник: составлено авторами.

научного прогресса, традиционный «изгой» на Ближнем Востоке, оказывающий на него критическое влияние и стремящийся полноценно интегрироваться в него. ОАЭ – монархия с усиливающимся трендом на ультра-авторитаризм, закрепившая статус весомого игрока на глобальных нефтяном и финансовом рынках, а также в мировых логистических цепочках, движущая сила регионализации БВСА, предпочитающая коллективные решения, активную роль посредника и отдающая приоритет логике экономической выгоды. Оба государства смогли стать для многих, в том числе влиятельных, государств мира необходимыми партнёрами и эффективно реализовывать собственные национальные интересы. Это – в совокупности с их укрепившимся потенциалом, возросшим весом в региональных и мировых процессах в военно-политическом и экономическом измерениях, а также с учетом их амбиций и активной вовлеченности в региональную и глобальную повестки – позволяет говорить об ОАЭ и Израиле не просто как

о «подающих надежды» или «стремящихся» (*aspiring*), по утверждению некоторых исследователей [Saouli 2020: 162; Beck 2014: 18], но как влиятельных новых державах среднего уровня (см. Табл. 1).

Нормализация отношений между ОАЭ и Израилем и новые региональные реалии

Соглашения Авраама 2020 года кардинально отличались от мирных соглашений Египта (1979) и Иордании (1994) с Израилем, установивших «холодный мир» [Звягельская 2021] между двумя арабскими странами и еврейским государством. Принципиальным представляется то обстоятельство, что именно ОАЭ пошли на официальное примирение с Иерусалимом – с учётом регионального веса монархии и особенностей её внешней политики, предусматривающей реализацию стратегии «взаимосвязанности». Эмиратско-израильское соглашение не просто стало отражением значительной трансформации парадигмы международных отношений на Ближнем Востоке, но и послужило базой

для развития новых трендов регионального развития.

Официальная нормализация отношений между ОАЭ и Израилем стимулировала масштабное двустороннее взаимодействие в торговой, инвестиционной, технологической и оборонной сферах, диктуемое потребностями национального экономического развития и безопасности. Что более важно – это сотрудничество имеет общерегиональные последствия. Так, разделяемое ОАЭ и Израилем восприятие угроз со стороны Ирана, активности его региональных союзников, а также различных исламистских группировок обуславливает координацию между службами безопасности двух государств, имеющую широкий географический охват. Некоторые источники указывают на возможность «небольшого израильского присутствия» на эмиратских военных объектах на Сокотре, в Пунтленде и Эритрее с целью сбора разведывательных данных для противодействия «возможным враждебным действиям»¹⁷.

Кроме того, нормализация отношений двух «передовых» с экономической точки зрения стран, по словам эмиратского Государственного министра в сфере финансов, – должна «обеспечить свободу передвижения людей и капиталов» [Мелкумян 2021: 115]. Примечателен подписанный в 2020 году портовым оператором *DP World* и израильским банком *Leumi* меморандум о взаимопонимании, подразумевающий, помимо эмиратских инвестиций в развитие израильских логистических активов, «стимулирование торговли между Израилем и другими ближневосточными странами»¹⁸.

Декларируемая цель Авраамовых и последующих соглашений в разных областях о создании более «стабильного, интегрированного и процветающего Ближнего Востока» [Мелкумян 2021: 116] активизирует *тренд на инновационное и технологическое сотрудничество в регионе* и служит основой для возникновения новых форматов внутрирегионального взаимодействия. Большое значение при этом имеет реализуемая ОАЭ внешнеполитическая стратегия «взаимосвязанности». Их видение государств как «компонентов взаимосвязанных экономических, транспортных и коммуникационных сетей» позволяет выстраивать трансграничное сотрудничество, включающее Израиль¹⁹. Предпочтение при этом отдаётся «малосторонним» (*minilateral*) форматам, подразумевающим узкий круг участников и ограниченную повестку взаимодействия.

Примером таких форматов служит «Проект процветание» – трёхсторонняя инициатива ОАЭ, Израиля и Иордании, провозглашённая в 2021 году. Она подразумевает строительство на территории последней станции солнечной энергетики при эмиратском финансировании и последующую продажу электричества израильтянам взамен на поставки опреснённой воды. С 2022 года действует также Негевский форум, в котором участвуют ОАЭ, Бахрейн, Египет, Марокко, Израиль и США. Главной задачей форума заявлено сотрудничество в развитии проектов в области здравоохранения, образования, водной, продовольственной и военной безопасности, энергетики и туризма²⁰. На трансрегиональном уровне развивается коопера-

¹⁷ Cafiero G., Sudetic B. What Would a Closer Security Partnership between Israel and the UAE Look Like? Gulf International Forum. 14.10.2020. URL: <https://gulff.org/what-would-a-closer-security-partnership-between-israel-and-the-uae-look-like/> (accessed: 05.06.2025).

¹⁸ DP World and Bank Leumi to jointly explore Israel logistics investment. DP World. 21.09.2020. URL: <https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-and-bank-leumi-to-jointly-explore-israel-logistics-investment/> (accessed: 05.06.2025).

¹⁹ Zaga M. The UAE's Foreign Policy Anchors and Their Influence on Israel and the Region. MITVIM. 01.03.2025. URL: <https://mitvim.org.il/wp-content/uploads/2025/03/English-UAE-Anchors-Policy-Zaga-March-2025-final-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

²⁰ Bassist R. Negev Forum convenes in UAE with Jordan absent from Arab-Israeli meeting. Al-Monitor. 09.01.2023. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/01/negev-forum-convenes-uae-jordan-absent-arab-israeli-meeting#ixzz7sWukWr00> (accessed: 05.06.2025).

ция на площадке I2U2, сформированной в 2021 году ОАЭ, Израилем, Индией и США, а также в трёхстороннем формате – без американского участия. Главным проектом в рамках последнего было провозглашено создание продовольственного коридора Индия – ОАЭ – Израиль на основе объединения индийского производственного и сельскохозяйственного потенциалов, эмиратских финансовых и логистических возможностей и израильских технологий. В 2023 году был подписан меморандум о взаимопонимании по ещё более крупному и амбициозному проекту экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (ИМЕС) при участии также ряда арабских и европейских государств и США.

Реализация всех этих инициатив сталкивается с целым рядом препятствий. Например, «Проект процветание» тормозится позицией палестинского руководства и критикой со стороны некоторых иорданских политических кругов, считающих его нарушением прав палестинцев. Между тем само формулирование таких проектов и усилия по их осуществлению свидетельствуют о *зарождении новой логики развития международных процессов* на Ближнем Востоке. В её основе лежат прагматизм и приоритизация целей экономического развития как базовых принципов гарантии региональной безопасности в широком её смысле, включая и гуманитарные аспекты. Эта логика активно продвигается ОАЭ и в целом разделяется всеми ближневосточными центрами силы, хотя и не исключает возникновения между ними противоречий.

Примечательно, что ОАЭ, традиционно считающие Иран одним из главных источников угроз национальной и региональной безопасности и придерживающиеся жёсткого подхода в отношении ограничения его активности, с начала 2000-х годов последовательно проводят курс на экономическое

вовлечение Исламской Республики. Аравийская монархия стала одним из крупнейших торговых и инвестиционных партнёров Ирана и сыграла принципиальную роль в облегчении последствий введённых против него санкций [Sherwood 2017]. В свою очередь, для Турции ОАЭ оставались крупнейшим торговым партнёром в Заливе даже во второй половине 2010-х годов, то есть в период обострения соперничества между двумя странами в ряде региональных конфликтов²¹.

Эта прагматическая логика в сочетании с трендом на регионализацию, продвигаемым ОАЭ [Saouli 2020: 180], может *потенциально привести к постепенному формированию новой региональной системы* международных отношений, влиятельным участником которой станет Израиль. Характерно, что представление об оптимальном региональном устройстве эмиратское и израильское руководства разделяют: полицентричная система с несколькими центрами силы, которые взаимно уравнивают друг друга, предотвращая доминирование какой-либо из них [Карасова 2021]. При этом особенно отмечается приоритет «более светских, сильных, уверенных режимов» как фактора стабилизации Ближнего Востока [Saouli 2020: 197].

Нельзя не отметить принципиальную разницу в подходах ОАЭ и Израиля. В понимании эмиратского руководства приоритизация экономической логики в противовес силовым решениям, «взаимосвязанности» в противовес единоличным действиям служат базой для общерегиональной военно-политической стабильности. Израиль же рассматривает важную цель интеграции в регион отдельно от задач обеспечения собственной военно-политической безопасности, в критический момент отдавая приоритет последним.

Говорить о перспективах формирования подобной сбалансированной региональной архитектуры преждевременно. Зало-

²¹ Habibi N. Turkey's Economic Relations with Gulf States in the Shadow of the 2017 Qatar Crisis. Middle East Brief No. 132. Crown Center for Middle East Studies. 12.2019. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/101-200/meb132.pdf> (accessed: 05.06.2025).

женному в начале 2020-х годов ключевыми ближневосточными игроками тренду на деэскалацию был брошен серьёзный вызов терактом ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 года. За ним последовала череда разрушительных событий: война в Газе, израильская наземная операция на юге Ливана против «Хизбаллы», ракетная активность группировки «Ансар Алла», падение режима Б. Асада в Сирии, беспрецедентная 12-дневная ирано-израильская война в июне 2025 года, а также разрушительная Иранская война, начавшаяся в конце февраля 2026 года с совместной американо-израильской атаки против Исламской Республики.

Израиль в восприятии арабских государств, и в первую очередь ОАЭ, продолжающих развивать с ним экономическое сотрудничество, превратился в непредсказуемого игрока и деструктивный фактор²². Особую обеспокоенность вызывают израильская военная активность в Сирии, присутствующие в заявлениях его руководства агрессивные нарративы, в том числе план «Великого Израиля», и избранный руководством страны в качестве приоритетного язык силы в региональной политике [Белков и др. 2025: 105], наглядно продемонстрированный, в частности, ударом по катарской территории в сентябре 2025 года. Вместе с тем поводом для беспокойства — главным образом для ОАЭ, Саудовской Аравии и Израиля — служит и активность Турции на сирийской территории, её потенциальное усиление в регионе, а также опора турецко-катарского тандема на исламистские силы в арабской республике²³. Ещё большие опасения монархий Залива

вызывают деструктивные действия Ирана с учетом его беспрецедентно разрушительного ответа на американо-израильскую атаку, непосредственным объектом которого стала их территория.

Однако, несмотря на это, страны региона всё больше наращивают свои деэскалационные усилия. Особенно активно на этом направлении действуют ОАЭ. Наряду с призывами к «сдержанности в интересах предотвращения общерегиональной дестабилизации»²⁴, эти усилия включают энергичное участие в посреднической и дипломатической деятельности — как официальной, так и неформальной, — а также опору на гуманитарные инициативы и проекты экономического развития.

Катар, оставаясь одним из наиболее ярых критиков Израиля, сыграл принципиальную роль посредника в конфликте еврейского государства с ХАМАС (штаб-квартира которого расположена в Дохе), регулярно принимая у себя израильских, американских и иранских официальных лиц. Совместно с ОАЭ и Египтом Доха активно предпринимала усилия по доставке гуманитарной помощи в Сектор Газа. Арабские государства весной 2025 года коллективно выработали и утвердили план реконструкции разрушенного палестинского эксклава²⁵. Саудовская Аравия приостановила переговоры о нормализации с Израилем, однако ни одно из государств, подписавших Соглашения Авраама, не пошло на разрыв отношений с ним. Более того, эмиратско-израильское торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество продолжает расти: ОАЭ стали крупнейшим торговым партнёром Израи-

²² *Diwan K.S., Baharoon M., Ibish H., Roebuck W., Roberts D.B.* Israel Strikes Hamas in Qatar. AGSI. 10.09.2025. URL: <https://agsi.org/analysis/israel-strikes-hamas-in-qatar/> (accessed: 05.10.2025).

²³ *Calabrese J.* Post-Assad Syria: A Testing Ground for Gulf Ambitions and U.S. Strategy. 06.06.2025. URL: <https://agsi.org/analysis/post-assad-syria-a-testing-ground-for-gulf-ambitions-and-u-s-strategy/> (accessed: 05.10.2025).

²⁴ *Kouachi I.I.* Arab nations condemn Israeli strikes on Iran. Anadolu Agensi. 26.10.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/arab-nations-condemn-israeli-strikes-on-iran/3375245> (accessed: 28.12.2025).

²⁵ *Ahmad M.* The Arab League Proposes an Alternative Gaza Reconstruction Plan. Institute for Palestine Studies. 24.03.2025. URL: <https://www.palestine-studies.org/en/node/1657135> (accessed: 28.12.2025).

ля в регионе, обойдя Турцию²⁶; сообщается о прогрессе в строительстве железной дороги, соединяющей аравийскую монархию с еврейским государством через саудовскую и иорданскую территории в рамках проекта *ИМЕС*²⁷. Активно развивается и сотрудничество ОАЭ и Израиля в сфере безопасности в масштабах региона, в частности в зоне Аденского залива для противодействия провокациям хуситов. Оно осуществляется на базе совместной платформы по обмену разведанными *Crystal Ball*, воплощающей партнёрство двух государств в целях «разработки и применения средств развития *регионального потенциала* в области сбора информации»²⁸ (Прим. ред. – выделено авторами).

В Сирии монархии Залива и Турция активно включились в реализацию целого ряда гуманитарных, энергетических, транспортных и инфраструктурных проектов. Масштабные протесты в Иране в конце 2025 – начале 2026 годов стали очередным поводом для активизации двусторонних консультаций между лидерами Исламской Республики, ОАЭ, Катара и Турции, в которых неизменно подчёркивался приоритет «регионального сотрудничества», «приверженности укреплению связей перед лицом региональных вызовов», «продвижения стабильности и безопасности в регионе», «мирных решений и деэскаляционных инициатив»²⁹. В условиях ослабления региональных позиций Ирана [Добрева, Лазовский 2025] и роста недоверия по

отношению к нему монархии Залива продолжают курс на его вовлечение в выстраиваемую ближневосточную систему международных отношений в качестве значимого и неотъемлемого её компонента. Нарастает экономическое и инвестиционное сотрудничество монархий с Турцией, а также между Турцией и Ираном, иницируемых, в том числе, собственные логистические проекты³⁰. Впрочем, неопределённость, связанная с Иранской войной, может препятствовать их реализации.

Складывающаяся сегодня на Ближнем Востоке новая реальность характеризуется явным трендом на рост инициативности, готовности арабских стран брать ответственность за обеспечение безопасности в регионе и формулировать её ключевые характеристики. Активно предпринимаются попытки отойти от логики *ad hoc* сотрудничества по отдельным проблемам узким кругом союзников в пользу выработки коллективной стратегии региональной безопасности с привлечением влиятельных региональных игроков в лице Турции, Ирана и Израиля³¹.

* * *

Значительные трансформации в регионе БВСА с начала 2010-х годов способствовали становлению новых ближневосточных центров силы, изменению их роли по сравнению с прежними региональными державами и формированию новой региональной логики международных отноше-

²⁶ Israel Imports by Country. Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/israel/imports-by-country> (accessed: 07.04.2026); Israel Exports by Country. Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/israel/exports-by-country> (accessed: 07.04.2026).

²⁷ Israel-UAE train project moves to advanced stage despite wartime challenges. Middle East Monitor. 25.11.2025. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20251125-israel-uae-train-project-moves-to-advanced-stage-despite-wartime-challenges/> (accessed: 28.12.2025).

²⁸ Rickett D. How the UAE built a circle of bases to control the Gulf of Adenю Middle East Eye. 03.10.2025. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-yemen-somalia-circle-bases-control-gulf-of-aden> (accessed: 28.12.2025).

²⁹ Iran's FM blames foreign meddling in talks with Turkey, UAE. Al Mayadeen. 14.01.2026. URL: <https://english.almayadeen.net/news/politics/iran-s-fm-blames-foreign-meddling-in-talks-with-turkey--uae> (accessed: 17.01.2026).

³⁰ Iran, Turkey agree to build \$1.6 billion trade rail link. Iran International. 30.11.2025. URL: <https://www.iranintl.com/en/202511309621> (accessed: 17.01.2026).

³¹ Hamzawy A., Brown N.J. Is the Arab World Finally Discovering Collective Security and Multilateral Diplomacy? 17.12.2025. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/12/arab-multilateral-gaza-conflict-diplomacy-middle-east?lang=en> (accessed: 28.12.2025).

ний, продвигаемой этими центрами силы. К их числу, безусловно, относятся ОАЭ и Израиль. Сочетая взаимоусиливающие статусы средних и региональных держав, эти государства играют – наряду с другими региональными лидерами в лице Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Катара – определяющую роль в складывании новой ближневосточной реальности, охватывающей военно-политическую, экономическую и социально-гуманитарную сферы. При этом официальная нормализация отношений между ОАЭ и Израилем имела принципиальное значение как одна из опор этой новой реальности.

Формирование новой региональной архитектуры, основанной на балансировании и взаимограничении нескольких центров силы с их различающимися и соперничающими внешнеполитическими интересами и идейными установками, – процесс постепенный и нелинейный, осо-

бенно ввиду неоднозначных перспектив полноценного вовлечения в неё Израйля. Приобретший в начале 2026 года беспрецедентный по разрушительности масштаб ирано-израильский конфликт, непосредственно затронувший остальные региональные державы, только укрепил их в понимании необходимости реализации новых правил международных отношений на Ближнем Востоке. Вместе с тем встраивание еврейского государства как мощной военной и инновационно-технологической силы в новую региональную подсистему международных отношений уже происходит. Это осуществляется во многом благодаря и на основе эффективно реализуемой ОАЭ стратегии «взаимосвязанности», а также приоритизации прагматизма и экономического развития, что постепенно становится частью внешнеполитической логики и других государств Ближнего Востока.

Список литературы

- Белков Е.А., Гужев И.А., Добрева Е.И., Ибрагимов И.Э., Звягельская И.Д., Кадырмамбетов Т.М., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю., Сухов Н.В., Тюкаева Т.И. Ближневосточные центры силы: способы реализации влияния // Восток (Oriens). 2025. № 2. С. 99–111. DOI: 10.31696/S086919080034387-2
- Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034
- Добрева Е.И., Лазовский С.О. Эволюция иранской прокси-стратегии на фоне ослабления традиционных партнеров // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 12. С. 83–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-12-83-93
- Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 1(171). С. 172–178. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-172-178
- Звягельская И.Д. Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности? // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2
- Звягельская И.Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 55–66. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05
- Звягельская И.Д., Тюкаева Т.И. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. Т. 61, №2. С. 80–95. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-80-95
- Королёв А.С. Стратегии средних стран в отношении великих держав. Опыт Малайзии // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 1. С. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 1. С. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69
- Мелкумян Е.С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 2. С. 107–118. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118
- Alpher Y. Periphery: Israel's Search for Middle East Allies. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 171 p.

- Antwi-Boateng D., Binhuwaidin M.* Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region // *Contemporary Arab Affairs*. 2017. Vol. 10. No. 4. P. 522–536. DOI: 10.1080/17550912.2017.1399640
- Beck M.* The Concept of a Regional Power as Applied to the Middle East // *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts* / ed. by H. Fürtig. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 1–20.
- Beck M.* Israel: Regional Politics in a Highly Fragmented Region // *Regional Leadership in the Global System: Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers* / ed. by D. Ffemes. Farnham: Ashgate, 2010. P. 127–148.
- Bryc A.* A “New” Middle East? Implications for Israel’s Security // *Athenaeum*. 2019. Vol. 64. No. 4. P. 7–23. DOI: 10.15804/athena.2019.64.01
- Butenschön N.* Israel as a Regional Great Power: Paradoxes of Regional Alienation // *Regional Great Powers in International Politics* / ed. by I.B. Neumann. London: Macmillan Press Ltd., 1992. P. 141–165.
- Fulton J., Yellinek R.* UAE-Israel Diplomatic Normalization: A Response to a Turbulent Middle East Region // *Comparative Strategy*. 2021. Vol. 20. No. 5. P. 499–515. DOI: 10.1080/01495933.2021.1962200
- Kappel R.* Israel: The Partial Regional Power in the Middle East // *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after Arab Revolts* / ed. by Henner Fürtig. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 145–164.
- Miller R., Verhaeven H.* Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf. *International Politics*. 2020. No. 57. P. 1–20. DOI: 10.1057/s41311-019-00180-0
- Reich B.* Israeli Foreign Policy // *Diplomacy in the Middle East: The International Relations of Regional and Outside Powers* / ed. by L. Carl Brown. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2004. P. 121–137.
- Schiff A., Kertcher C.* Silent alliances and shifting tides: unveiling the hidden pathways to resolving interstate rivalries – the UAE-Israel case // *International Journal of Conflict Management*. 2024. Vol. 35. No. 1. P. 174–191. DOI: 10.1108/IJCM-01-2023-0006
- Sherwood L.* Risk Diversification and UAE Foreign Policy // *The Small Gulf States. Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring* / ed. by K. Almezaini, J.-M. Rickli. London: Routledge, 2017. P. 144–167.
- Shymanska A., Heo C.* Arms Sales as a Middle-Power Strategy: The Case of Israel // *Israel Affairs*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 452–463. DOI: 10.1080/13537121.2022.2066861
- Telci I.N., Horaz T.O.* Military Bases in the Foreign Policy of the United Arab Emirates // *Insight Turkey*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 143–166. DOI: 10.25253/99.2018202.11
- Unfulfilled Aspirations: Middle Power Politics in the Middle East / ed. by A. Saouli. London: Hurst Publishers, 2020. 280 p.
- Wight M.* *Power Politics* / ed. by H. Bull, C. Holbraad. New York: Holmes & Meier Publishers, Inc., Royal Institute of International Affairs, 1978. 317 p.

THE UAE AND ISRAEL

MIDDLE POWERS IN THE TRANSFORMING MIDDLE EAST

TATIANA TYUKAEVA

LIUDMILA SAMARSKAIA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The ongoing transformations in the Middle East are marked by shifts in power dynamics, the decreasing role of extra-regional actors, and the strengthening regionalization trends. Against this backdrop, the autonomy and initiative of the regional players are significantly growing. Nowadays, they are capable of

projecting both hard and soft power, thereby increasingly defining key trends and principles of the regional landscape. The UAE and Israel are two prominent examples of Middle Eastern middle powers. The normalization of relations between them in 2020 had significant regional implications and aligned with their national development priorities. This event acted as both a reflection and a catalyst of contemporary transformational processes in the Middle East. The recently activated process of the “regionalization of the region”, its evolution as increasingly single and interconnected as well as the rise of new centers of power that formulate the logic of international relations within the region and bring it to life, are of critical importance in this context. The UAE and Israel play key roles in these new regional dynamics – the former being the driving force of regionalization, and the latter as a vital component of this process, capable of making a significant contribution to the development of the Middle Eastern countries but constrained in isolation from it for decades. The authors conclude that recent years have seen the emergence of preconditions for a new regional architecture in the Middle East, prompted by the strengthening of the UAE and Israel as new regional and middle powers and manifested in their bilateral and regional interactions.

Keywords:

middle powers, regional powers, UAE, Israel, Middle East, transformations, regionalism, security.

References

- Alpher Y. (2015). *Periphery: Israel's Search for Middle East Allies*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 171 p.
- Antwi-Boateng O., Binhuwaidin M. (2017). Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region. *Contemporary Arab Affairs*. Vol. 10. No. 4. P. 522–536. DOI: 10.1080/17550912.2017.1399640
- Beck M. (2014). The Concept of a Regional Power as Applied to the Middle East. In: H. Fürtig (ed.) *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts*. New York: Palgrave Macmillan. P. 1–20.
- Beck M. (2010). Israel: Regional Politics in a Highly Fragmented Region. In: D. Flemes (ed.) *Regional Leadership in the Global System: Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers*. Farnham: Ashgate. P. 127–148.
- Belkov E.A., Guzhev I.A., Dobrova E.I., Ibragimov I.E., Zvyagelskaya I.D., Kadyrmambetov T.M., Lazovskii S.O., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu., Sukhkov N.V., Tyukaeva T.I. (2025). Blizhnevostochnyye tsentry sily: sposoby realizatsii vliyaniya [The Middle East Powers. Main Tools of Influence]. *Vostok (Oriens)*. No. 2. P. 99–111. DOI: 10.31696/S086919080034387-2
- Bryc A. (2019). A “New” Middle East? Implications for Israel's Security. *Athenaeum*. Vol. 64. No.4. P. 7–23. DOI: 10.15804/athena.2019.64.01
- Butenschøn N. (1992). Israel as a Regional Great Power: Paradoxes of Regional Alienation. In: I.B. Neumann (ed.) *Regional Great Powers in International Politics*. London: Macmillan Press Ltd. P. 141–165.
- Dobrova E.I., Lazovskii S.O. (2025) Evolyutsiya iranskoj proksi-strategii na fone oslableniya traditsionnykh partnerov [Evolution of Iran's Proxy Strategy amid the Weakening of Traditional Partners]. *World Economy and International Relations*. Vol. 69. No. 12. P. 83–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-12-83-93
- Fulton J., Yellinek R. (2021). UAE–Israel Diplomatic Normalization: A Response to a Turbulent Middle East Region. *Comparative Strategy*. Vol. 20. No. 5. P. 499–515. DOI: 10.1080/01495933.2021.1962200
- Kappel R. (2014). Israel: The Partial Regional Power in the Middle East. In: H. Fürtig (ed.) *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after Arab Revolts*. New York: Palgrave Macmillan. P. 145–164.
- Korolev A. S. (2018). Strategii srednikh stran v otnoshenii velikikh derzhav. Opyt Malayzii [Strategies of Middle-Sized Countries vis-a-vis Great Powers: The Experience of Malaysia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 1. P. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Kosach G. G. (2021). Saudovskaya Araviya i Izrail': palestinskiy kontekst [Saudi Arabia and Israel: The Palestinian Context]. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No. 1. P. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69
- Melkumyan E. S. (2021). Izrail' vo vneshney politike OAE: ot konfrontatsii k normalizatsii [Israel in Foreign Policy of the United Arab Emirates: from Confrontation to Normalization]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 14. No. 2. P. 107–118. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118

- Miller R., Verhoeven H. (2020). Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf. *International Politics*. No. 57. P. 1–20. DOI: 10.1057/s41311-019-00180-0
- Reich B. (2004). Israeli Foreign Policy. In: L.C. Brown (ed.) *Diplomacy in the Middle East: The International Relations of Regional and Outside Powers*. London: I.B. Tauris & Co Ltd. P. 121–137.
- Schiff A., Kertcher C. (2024). Silent Alliances and Shifting Tides: Unveiling the Hidden Pathways to Resolving Interstate Rivalries – the UAE–Israel Case. *International Journal of Conflict Management*. Vol. 35. No. 1. P. 174–191. DOI: 10.1108/IJCM-01-2023-0006
- Sherwood L. (2017). Risk Diversification and UAE Foreign Policy. In: K. Almezaini, J.-M. Rickli (eds.) *The Small Gulf States. Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring*. London: Routledge. P. 144–167.
- Shymanska A., Heo C. (2022). Arms Sales as a Middle-Power Strategy: The Case of Israel. *Israel Affairs*. Vol. 28. No. 3. P. 452–463. DOI: 10.1080/13537121.2022.2066861
- Telci I. N., Horoz T. O. (2018). Military Bases in the Foreign Policy of the United Arab Emirates. *Insight Turkey*. Vol. 20. No. 2. P. 143–166. DOI: 10.25253/99.2018202.11
- Saouli A. (ed.) (2020). *Unfulfilled Aspirations: Middle Power Politics in the Middle East*. London: Hurst Publishers. 280 p.
- Vershinina V. V. (2020). “Derzhavy srednego urovnya” v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel’nyy analiz kontseptual’nykh podkhodov [Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches]. *Comparative Politics Russia*. Vol. 11. No. 3. P. 25–40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034
- Wight M. (1978). *Power politics*. H. Bull, C. Holbraad (eds.). New York: Holmes & Meier Publishers, Inc., Royal Institute of International Affairs. 317 p.
- Zhukovskaya N. Yu. (2018). “Srednie derzhavy” kak element sovremennoy mirovoy sistemy: k voprosu o teoreticheskom osmyslenii kontsepta [“Middle Powers” as an Element of the Modern World System: On the Theoretical Understanding of the Concept]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Vol. 23. No. 1(171). P. 172–178. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-172-178
- Zvyagelskaya I. D. (2021). Arabo-izraelskoe sblizhenie: v poiskakh novoy normal’nosti? [Arab-Israeili Rapprochement: A Search for New Normality?]. *Vostok (Oriens)*. No. 3. P. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2
- Zvyagelskaya I. D. (2022). Novyy regionalizm i starye problemy Blizhnego Vostoka [New Regionalism and Old Issues in the Middle East]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 55–66. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05
- Zvyagelskaya I. D., Tyukaeva T. I. (2021). Palestinskaia problema v kontekste meniaiushchegosia balansa sil [The Palestinian Problem in the Context of Evolving Balance of Power] *Puti k miru i bezopasnosti*. Vol. 61. No. 2. P. 80–95. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-80-95